

УДК 316.6.

Григорьева Л. М.

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48, Российская Федерация

ГЛАГОЛЬНЫЕ ОТРИЦАНИЯ – ВЕРБАЛЬНАЯ ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Цель данной работы заключается в характеристике особенностей письменной речи у жертв опыта социального исключения.

Процедура и методы. В статье проанализированы тексты автобиографий, описывающих опыт социальной эксклюзии. Методами исследования послужили статистический анализ, психолингвистический и психосемантический методы анализа текстов.

Результаты. Глагольные отрицания, составляющие семантическое пространство языка социального исключения, отражают рефлексию индивида и становятся частью метаязыка со специфическими особенностями построения нарративов.

Теоретическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию нарративов и коммуникации, а также позволяют расширить представление об инструментах психологических исследований.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

отракизм, социальное исключение, нарратив, наррационные цепи, психосемантика, глагольные отрицания, психологическая автобиография

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00736 «Социальная эксклюзия в межличностных отношениях».

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Ход исследования](#)

[Психолингвистическая интерпретация](#)

[Психосемантическая интерпретация](#)

[Заключение](#)

L. Grigorieva

*Herzen State Pedagogical University of Russia
nab. reki Moiki 48, St. Petersburg 191186, Russian Federation*

NEGATIVE VERB FORMS AS VERBAL EXPRESSION OF SOCIAL EXCLUSION

ABSTRACT

Aim. The purpose of this work is to characterize the peculiarities of the written language of the social exclusion victims.

Methodology. The article analyzes the texts of autobiographies which describe the experience of social exclusion. The research methods include statistical analysis, psycholinguistic and psychosemantic methods of text analysis.

Results. Verb negatives, which make up the semantic field of the language of social exclusion, present the individual self-reflection and become part of a metalanguage with specific features of constructing narratives.

Research implications. The results of the study contribute to the theory of narratives and communication as well as expand the understanding of analysis tools.

KEYWORDS

ostracism, social exclusion, narrative, narrative chains, psychosemantics, verbal negations, psychological autobiography

ACKNOWLEDGMENTS

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project № 20-013-00736 "Social exclusion in interpersonal relations".

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время категория отрицания вызывает живой интерес и полемическое отношение к себе в кругу исследователей. Вопросы, какова роль отрицания и выражаемой им мысли, чему соответствует содержание мысли, выраженное отрицанием, можно ли считать отрицание отображением ценностной картины мира, формируемой определённой ментальностью, остаются открытыми и получают освещение в разных областях гуманитарного знания (лингвистике [5], педагогике [14], психологии [11], философии [10] и др.).

В то же время исследователи-когнитивисты пришли к выводу о «невозможности решения целого ряда глобальных проблем о сущности человека, его поведения и деятельности его разума без объединения усилий специалистов из разных научных дисциплин, но при выработке ими единой программы исследований» [8].

В этой связи представляется закономерным разносторонний подход к описанию взаимосвязи мышления и психики человека, а также их вербального воплощения.

В центре научных интересов социальной психологии особое место занимает коммуникация, одной из разновидностей которой становится межличностное общение [3, с. 18]. Предметами исследования межличностного общения являются: межличностное поведение или «транзакция», а также психические процессы и состояния, её обеспечивающие; коммуникативные практики, способствующие взаимодействию между людьми – речь, невербальные сообщения; нормы и правила какой-либо социокультурной группы, делающие возможной совместную деятельность. В предметной области межличностной коммуникации выделяется межличностное взаимодействие, которое «подчёркивает активность общающихся, позволяя более пристально исследовать формы и виды индивидуальных действий, приводящих к взаимным изменениям поведения, деятельности, отношений и установок» [9]. Одной из форм межличностной коммуникации принято считать явление социального исключения, или *остракизма*.

Остракизм – это продукт межличностной коммуникации, межличностного взаимодействия, и осуществляется он посредством речевого общения. Описание этого процесса оказывается возможным через характеристику особенности речи участников коммуникации, или языковых личностей [4]. Языковая личность становится центральным звеном, конструктом, связующим личность (со всем набором её индивидуальных психических особенностей) и её проявление в речи.

Известные на сегодняшний день работы, посвящённые языку остракизма, выполнены на материале языков других языковых групп и не могут быть применимы к русскому языку [16]. Потому представляется правомерным провести исследование на материале русского языка.

ХОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Лексико-грамматическая организация языка социального исключения предоставляет обширный материал для исследования. Мы сфокусировали внимание на одном из языковых явлений – категории отрицания – и рассмотрели отрицательные конструкции, зафиксированные в письменной речи. Категория отрицания была выбрана ввиду того, что само содержание понятия социальной эксклюзии / исключения несёт в себе отрицательный формант (ср.: инклюзия, включение).

Для исследования языка остракизма была разработана и апробирована на выборке студентов РГПУ им. А. И. Герцена (N=116) авторская методика «Автобиография опыта социальной эксклюзии (ОСЭ)» [7]. Основой для неё стала «Психологическая автобиография» Е. Ю. Коржовой [6]. В инструкции респондентам давалось понятное определение феномена, предлагалось в свободной форме описать ситуации социального исключения, с которыми они когда-либо сталкивались, и оценить по 10-балльной шкале остроту их

переживания. Полученные тексты подверглись психолингвистической и психосемантической интерпретациям.

В психологии под социальной эксклюзией (исключением, остракизмом) принято понимать:

- пребывание в состоянии игнорированного, исключённого [17];
- игнорирование, отвержение, исключение кем-то кого-то [1, с. 154];
- отвержение от желаемых отношений или социальных групп [15, с. 19].

Из 116 ответов респондентов методом сплошной выборки были отобраны все отрицательные конструкции с частицами «не». Частица «не» – одно из наиболее древних и распространённых грамматических средств отрицания в индоевропейских языках. Изначально употребляясь автономно, постепенно она ослабела и стала присоединяться к различным частям речи. В русском языке частица может употребляться как с именами, так и с глаголами препозитивно. В ходе исследования мы сузили круг анализируемого явления до глагольных отрицаний, потому что, во-первых, самый высокий показатель среди отрицательных конструкций в текстах автобиографий занимают глагольные отрицания, во-вторых, глагол представляет наибольший интерес для интерпретации с точки зрения психолингвистики.

Согласно мнению Е. Е. Сапоговой [13], глагольные конструкции, выражающие действие или состояние, играют определяющую роль в создании нарративов, т. е. повествований о взаимосвязанных событиях. Нарративность является важнейшим компонентом социального взаимодействия, а автобиографический нарратив представляет собой наложение нарративных форм когнитивного характера, почерпнутых из культуры, на своеобразную цепь собственных случаев из жизни. Если изучение того, как человек выстраивает нарративы, чтобы получить жизненный опыт, приобретает особую важность, то изучение того, как человек выстраивает цепи отрицаний при создании нарратива с отрицательным формантом (социальное исключение), представляет отдельный интерес для самостоятельного исследования.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Первым шагом нашего исследования была статистическая обработка данных.

Нами были выдвинуты следующие гипотезы.

Гипотеза 1

Степень болезненности опыта социальной эксклюзии для индивида (острота его переживания) коррелирует с количеством глагольных отрицаний. Чем выше острота переживания – тем большее количество отрицаний используется. Однако ни *f*-критерий Фишера, ни *t*-критерий Стьюдента значимых различий не показали. Гипотеза 1 была отклонена.

После этого мы попытались проанализировать различия глагольных отрицаний на морфологическом уровне: рассмотреть грамматические характеристики употребляемых глаголов (лицо, число) и проследить взаимосвязь остроты переживания опыта с использованием определённой грамматической формы глагола.

Гипотеза 2

Острота переживания опыта социальной эксклюзии коррелирует с определённой грамматической категорией глаголов (вид, число, лицо, время).

Но и такой подход не дал значимых результатов. Гипотеза 2 была отклонена.

Следующим этапом стал психосемантический метод анализа текстов, который опирается на реальную речевую деятельность индивида, даёт возможность рассмотреть контекстуальное значение и характеристики анализируемых явлений в режиме употребления [12, с. 139].

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Гипотеза 3

Глагольные отрицания условно распределяются на несколько семантических групп в зависимости от контекстуальных особенностей построенных нарративов.

Языковой материал нашей выборки разделился на пять групп в зависимости от контекстуальных характеристик глагольных отрицаний.

- Первую группу составили отрицания – *противопоставления*.

Это такие примеры:

«Несколько дней я пытался заговорить с отцом, а он не реагировал»;

«Я говорила – мама не слушала» и др.

В данных примерах вторая часть сложного предложения прямо противопоставлена первой части по семантическому признаку, включающему в себя субъектно-объектные отношения. При этом в первой, утвердительной, части субъектом речевого акта является *Я*, а во второй, отрицательной, объектом становится *ОН*. Части предложения соединены противительным союзом «а», что усиливает эффект противопоставления (в первом примере он присутствует эксплицитно, во втором – имплицитно). Здесь можно наблюдать разрыв цепочки нарративов: субъект *Я* совершает действие, а объект *ОН* ожидаемого действия не совершает. Разрыв наррационной цепочки демонстрирует разрыв ценностей субъектов и объектов наррации.

- Вторая группа – *простые отрицания*.

Например:

«После моих ответов она не успокаивалась»;

«Моя лучшая *подруга не брала трубку*»;

«Несколько лет *не выходил со мной на контакт*».

В данных примерах субъект речи надеется на положительное действие со стороны объекта: чтобы *ОНА* успокоилась, чтобы *ОНА* взяла трубку, *ОН* вышел на контакт. Констатируется эффект *обманутого ожидания* – сильное средство выразительности повествования, т. е. наррации, которое зиждется на нарушении предположений и ожиданий. В вербально выраженной цепочке нарраций, повествовании, новый элемент подготавливается предыдущим и, в свою очередь, подготавливает последующий. Резкий обрыв цепочки создаёт эффект обманутого ожидания и вызывает негативную оценку: *Я надеялся, что она успокоится, она должна была успокоиться, а она не стала; Она должна была взять трубку, но не взяла, Я обманулась в своих ожиданиях; Он должен был со мной контактировать, а Он медлил.*

- Третья группа – *смягчающие отрицания*.

Например:

«Буллинга как такового *не было*, но одноклассники меня просто *не замечали*, были равнодушны, *не общались*».

В настоящем примере первое отрицание *буллинга не было* задаёт тон прочтения всей ситуации.

Не было как *такового* – в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой¹ местоимённый оборот как *таковой* определяется как «самостоятельный, целый (безотносительно к чему-л. иному)». Ср.: С. И. Ожегов²: «Как *таковой* – *взятый сам по себе*».

Иными словами, употребляя местоимение «как *таковой*», автор подчёркивает, что отдельно взятого, самого по себе буллинга, возможно, и не было, но всё отношение в классе сводилось к игнорированию автора и избеганию общения, о чём свидетельствует прочтение расширенного контекста: но одноклассники меня просто *не замечали*, были равнодушны, *не общались*. Описывая частное и общее отрицание, авторы «Грамматики-80» склонились к мнению, что употребление отрицания при сказуемом свидетельствует об отрицании предикативного признака и через него – всей описываемой ситуации³.

Введение между отрицательными глаголами выражения *были равнодушны* также смягчает ситуацию, мешает нагнетанию отрицаний.

Ещё пример смягчения ситуации:

«Меня *это не сильно устраивало*».

¹ Толковый онлайн-словарь русского языка Ефремовой Т. Ф. // ЛГФ: [сайт]. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения: 01.05.2021).

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка (С – Я) [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_s_q.txt (дата обращения: 01.05.2021).

³ Русская грамматика: в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://bookree.org/reader?file=751373> (дата обращения: 01.05.2021).

Введение качественного наречия «сильно» между отрицательной частицей и сказуемым смягчает эффект отрицания реципиентом ситуации.

Разбиение отрицания или цепочки отрицаний лексемами или лексическими оборотами смягчает эффект отрицания.

- Четвёртая группа – *нарастающее отрицание*.

Например:

«Моя подруга *не пришла, не поддержала* меня на важном, ответственном выступлении. Произошла ссора. После которой она так и *не извинилась, не объяснила* причину. Больше мы *не общаемся*».

Создание цепочки отрицаний – употребление четырёх отрицаний по отношению к одному объекту – *подруга не пришла, не поддержала, не извинилась, не объяснила* причину – привело к «обобщающему» отрицанию, в котором уже субъект (Я) и объект (Подруга) действуют сообща – *мы не общаемся*. В данном контексте первые четыре отрицания становятся объяснением, оправданием завершения общения – *ключевого отрицания*.

• И, наконец, пятую группу отрицаний составляют *отрицания-фразеологизмы*.

Например:

«Мы мирились *как ни в чем не бывало*»;

«*Что бы там ни было, я ему не поверила*».

Согласно фразеологическому словарю, *как ни в чём не бывало* – «вовсе не замечая того, что произошло; делая вид, что ничего не произошло, не случилось»⁴.

Частица «ни» в данном случае призвана усилить отрицание, но благодаря тому, что перед нами фразеологическая единица с её обобщающим смыслом, усиление отрицания теряет свою остроту, поскольку употребление ФЕ может свидетельствовать о некоторой стёртости выражения.

По мнению В. Ф. Петренко, фразеологизмы являются формой рефлексии внеязыковой действительности. Их порождением считается потребность человека в выразительных средствах коммуникации: вербальном выражении чувств, эмоциональных оценок, воздействия, ярких и метких характеристик человека, предмета, явлений. Фразеологизмы, как и пословицы, поговорки, отвечают рефлексивной функции фольклора, т. е. рассматриваются как формы рефлексии, отражения человеческих отношений, восприятия другого, однако в стёртом, смягчённом виде.

Гипотеза 3 принимается. Глагольные отрицания распределились на 5 групп в зависимости от контекстуальных характеристик, построенных респондентами нарративов.

⁴ Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-phraseologiya-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 01.05.2021).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Руководствуясь концепцией семантических примитивов А. Вежбицкой [2], следует рассматривать отрицания в качестве положительного элемента глубинной структуры предложения, выражающей субъективно-волевой, «модальный примитив» – отрицательные предложения опираются на утвердительные и выражают следующее. Например, «Я не должен этого делать» означает «Я не хочу думать, что есть необходимость мне делать это, и я, по-видимому, не сделаю этого». Иными словами, согласно данной концепции, отрицание рассматривается как положительный акт воли человека.

Пусть отрицание – положительный акт воли человека. Да, отрицание основывается на положительном элементе. Но, отрицая положительный элемент, человек свидетельствует о том, что этот положительный элемент не состоялся, субъект обманут в своих предположениях, надеждах, ожиданиях.

Ценностные характеристики меняются или хотя бы смещаются в связи с использованием отрицательных конструкций, что наглядно продемонстрировал наш языковой материал.

Таким образом, глагольные отрицания, составляющие семантическое пространство языка социального исключения, отражают рефлексию индивида и становятся частью метаязыка со специфическими особенностями построения нарративов, которые, в свою очередь, отражают особенности индивидуального акта коммуникации. Так, например, разрыв или резкий обрыв наррационной цепочки, создаваемый посредством использования одного семантического вида отрицаний, может говорить о разрыве ценностей субъектов и объектов наррации, вызвать эффект обманутого ожидания, негативный оценочный эффект. Другие виды глагольных отрицаний используются для смягчения восприятия ситуации объектом эксклюзии, смазывания, разбавления негативной семантики, а также для объяснения или оправдания болезненной ситуации.

Язык остракизма, как и любой язык в целом, представляет богатейший материал для анализа на разных психолингвистических уровнях. Его описание, анализ и интерпретация результатов могут способствовать более подробному изучению данного феномена социальной психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойкина Е. Э., Чиркина Р. В. Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования // Психология и право. 2020. Т. 10. № 1. С. 152–170.
2. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика / под ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 251–276.
3. Гавра Д. П. Основы теории коммуникации. М.: Юрайт, 2017. 231 с.

4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
5. Кондракова Ю. Н. Категория отрицания глагола в контексте развития индоевропейских и семитских языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 26 с.
6. Коржова Е. Ю. Психологическое познание судьбы человека. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. 334 с.
7. К проблеме взаимосвязи опыта социальной эксклюзии с базисными убеждениями личности: психологический подход / Г. В. Семенова, С. А. Векилова, И. Б. Терешкина, О. В. Рудыхина // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2020. № 197. С. 63–73.
8. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах объективации в языке) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 5-6. С. 3–12.
9. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2001. 544 с.
10. Мосиенко Л. И. Нигилизм как фактор социокультурного развития: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Омск, 2003. 24 с.
11. Охотникова Н. А. Особенности защитных механизмов у детей с проблемами социальной адаптации: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2007. 21 с.
12. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М.: Издательство МГУ, 1988. 208 с.
13. Сапогова Е. Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. Т. 1. № 2. С. 63–74.
14. Хазанова А. А. Функционально-коммуникативный анализ русских отрицательных наречий в лингводидактическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 23 с.
15. Шульмин М. П. Психологические факторы переживания личностью социальной эксклюзии // Сибирский психологический журнал. 2018. № 70. С. 17–33.
16. Klauke F., Müller-Frommeyer L. C., Kauffeld S. Writing about the silence: identifying the language of ostracism // The Journal of Language and Social Psychology. 2020. № 39. P. 751–763.
17. Williams K. D. Ostracism: a temporal need-threat model // Advances in Experimental Social Psychology. 2009. № 41. P. 279–314.

REFERENCES

1. Boykina E. E., Chirkina R. V. [Social ostracism: current state of the problem, methodology and research methods]. In: *Psikhologiya i parvo* [Psychology and law], 2020, vol. 10, no. 1, pp. 152–170.
2. Wierzbicka A. *Rechevye akty* [Speech acts]. In: Paducheva E. V., ed. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike: Vyp. XVI. Lingvisticheskaya pragmatika* [New in

- foreign linguistics: vol. XVI. Linguistic pragmatics]. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 251–276.
3. Gavra D. P. *Osnovy teorii kommunikatsii* [Fundamentals of Communication Theory]. Moscow, Yurait Publ., 2017. 231 p.
 4. Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 264 p.
 5. Kondrakova Yu. N. *Kategoriya otritsaniya glagola v kontekste razvitiya indoevropeskii i semitskikh yazykov: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk* [The category of verb negation in the context of the development of Indo-European and Semitic languages: abstract of Cand. Sci. thesis in Philological sciences]. Moscow, 2011. 26 p.
 6. Korzhova E. Yu. *Psikhologicheskoe poznanie sud'by cheloveka* [Psychological knowledge of the fate of man]. St. Petersburg, Publishing house RGPU named after A. I. Herzen, 2002. 334 p.
 7. Semenova G. V., Vekilova S. A., Tereshkina I. B., Rudykhina O. V. [The relationship between social exclusion and basic personal beliefs: a psychological approach]. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2020, no. 197, pp. 63–73.
 8. Kubryakova E. S. [Semantics in Cognitive Linguistics (on the concept of container and forms of objectification in language)]. In: *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Herald of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series.], 1999, vol. 58, no. 5-6, pp. 3–12.
 9. Kunitsyna V. N., Kazarinova N. V., Pogol'sha V. M. *Mezhlichnostnoe obshchenie* [Interpersonal communication], St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 544 p.
 10. Mosienko L. I. *Nihilizm kak faktor sotsiokul'turnogo razvitiya: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Nihilism as a factor in socio-cultural development: abstract of Cand. Sci. thesis in Philosophical sciences]. Omsk, 2003. 24 p.
 11. Okhotnikova N. A. *Osobennosti zashchitnykh mekhanizmov u detei s problemami sotsial'noi adaptatsii: avtoref. dis. ... kand. psich. psih. nauk* [Features of protective mechanisms in children with problems of social adaptation: abstract of Cand. Sci. thesis in Psychological sciences]. St. Petersburg, 2007. 21 p.
 12. Petrenko V. F. *Psikhosemantika soznaniya* [Psychosemantics of consciousness]. Moscow, Moscow State University Publishing House, 1988. 208 p.
 13. Sapogova E. E. [The autobiographic Narrative in the Context of Cultural-Historical Psychology]. In: *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2005, vol. 1, no. 2, pp. 63–74.
 14. Khazanova A. A. *Funktsional'no-kommunikativnyi analiz russkikh otritsatel'nykh narechii v lingvodidakticheskom aspekte: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Functional and communicative analysis of Russian negative adverbs in the linguodidactic aspect: abstract of Cand. Sci. thesis in Philological sciences]. Moscow, 2018. 23 p.

15. Shul'min M. P. [Psychological factors of social exclusion experience]. In: *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Psychology], 2018, no. 70, pp. 17–33.
16. Klauke F., Müller-Frommeyer L. C., Kauffeld S. Writing about the silence: identifying the language of ostracism. In: *The Journal of Language and Social Psychology*, 2020, no. 39, pp. 751–763.
17. Williams K. D. Ostracism: a temporal need-threat model. In: *Advances in Experimental Social Psychology*, 2009, no. 41, pp. 279–314.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 05.05.2021

Статья размещена на сайте: 27.05.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Григорьева Лидия Михайловна – магистр лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета; соискатель кафедры психологии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; e-mail: lidia.grigorevalg@gmail.com

Lidiya M. Grigorieva – Master (Linguistics), Saint Petersburg State University; External Postgraduate Student of the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia; e-mail: lidia.grigorevalg@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Григорьева Л. М. Глагольные отрицания – вербальная форма проявления социальной эксклюзии // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru

Grigorieva L. M. Negative verb forms as verbal expression of social exclusion. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru